

Она выбрала конфету с ассорти — этот вкус ей нравился больше всего.

Она снова оторвала листок бумаги и написала что-то.

Эта новая записка, с прикрепленной конфетой, явно была тяжелее предыдущей и, пройдя через руки многих, оказалась на столе Вэньжэнь Цин.

Записка, которая вернулась, была похожа на мягкий и сладкий голосок кого-то.

И на ту маленькую белую ручку, которая с начальной школы держала ее за руку и до сих пор не научилась держать дистанцию, не запомнила, что нужно отойти подальше. Все такая же прилипчивая.

Уголки губ Вэньжэнь Цин, которые были напряжены с момента начала первого экзамена в классе, слегка смягчились.

Она закрыла глаза, и только через некоторое время снова открыла записку.

Текст на листке изменился:

Не сердись на меня больше, хорошо?

В конце записки был нарисован человечек с глазами, полными слез, высоко поднимающий конфету. Конфета была изображена большой, словно сердце, поднятое над головой:

Мое самое любимое — для Цинцин.

Эти слова и форма сердца были похожи на мягкую и сладкую улыбку маленькой девушки, которую она дарила людям.

Они ударили прямо в сердце, заставляя врасплох.

Хотя был еще конец зимы и начало весны, даже бутоны цветов и новые почки на деревьях ждали, чтобы появиться. Погода все еще была немного холодной.

Вэньжэнь Цин посмотрела на записку и резко положила ее на стол, ее обычно бледное лицо слегка порозовело.

Она только что съела одну конфету, и сладкий молочный вкус еще не полностью растаял во рту.

Она, словно издеваясь над собой, снова развернула обертку и проглотила вторую конфету.

Оказывается, сладость бывает разной, смешанной, но это не раздражает.

И даже не так приторно.

Привычный вкус.

Маленькая обманщица умеет утешать.

Ее эмоции были на кончиках пальцев этой девушки, и маленькая ручка слегка потянула их, вытаскивая из грусти.

Как будто ей было все равно, что в доме появился так называемый молодой господин Тин.

Пока он не лезет к ней, не шумит, она может делать вид, что его нет.

Жить и так тяжело, а тут еще ссоры, злость — кажется, это право есть у всех.

Она даже завидовала тем, у кого были сильные эмоции.

Когда им плохо, они могут сказать об этом, а печаль, гнев, грусть...

Все они как вулканы, после извержения все становится спокойно, и они забывают.

Но она не такая.

Если что-то происходит, она помнит это долго-долго, словно несет с собой до старости. И тогда на плечи ложится гора за горой, становится трудно дышать.

Она помнила холодность матери, которая не менялась годами, и ее истерики в гневе.

Она помнила, как в доме не было жизни, как она просыпалась посреди ночи от кошмаров, с холодным потом на лбу, сердце бешено колотилось, дыхание было настолько учащенным, что она чуть не теряла сознание, но сдерживала себя, заставляя успокоиться.

Оглядываясь назад, все эти десять с лишним лет, весь мир казался черно-белым, как старые немые фильмы, год за годом он не менялся, цвета были такими тусклыми.

Только в восемь лет она впервые увидела тот маленький комочек, который особыми чернилами нарисовал цветные круги на немом фильме.

Прошло больше десяти лет, и она больше не жаждет материнской любви.

Но, кажется, появилось что-то, чего она хочет еще больше.

Из-за конфеты, которую украл Вэньжэнь Тин, она почувствовала раздражение, разочарование и потерю, которых не испытывала даже в детстве.

Почему?

Из-за конфеты?

Нет.

Цзи Сюнь.

Как это имя может звучать так сладко, но быть таким горьким.

Она тихо произнесла это имя про себя.

Подняв глаза, она посмотрела в окно, где небо было еще голубым.

Она сжала в пальцах обертку. Словно пыталась дотянуться до солнечного света, падающего на ладонь.

Не поймать, только гнаться.

После экзамена Цзи Сюнь пошла искать Вэньжэнь Цин.

Та собирала рюкзак, а она молча стояла рядом, смотря на нее большими глазами.

— Цинцин, я не уверена в правильности последней задачи по математике. Поможешь посмотреть?

Когда Вэньжэнь Цин закончила собирать рюкзак, она тихо протянула листок с решением и формулами.

Намерение было не в задаче, а в том, чтобы проверить, сердится ли Цинцин на нее.

Вэньжэнь Цин прижала листок и вдруг подняла глаза.

Ее глубокие глаза-фениксы встретились с ясным взглядом Цзи Сюнь, и в конце концов она сдалась перед чистым, лишенным тени взглядом.

Она достала ручку и быстро обвела места, где Цзи Сюнь допустила ошибки в расчетах.

С каждым годом задания становились сложнее, и Цзи Сюнь больше не была той, кто в начальной школе с закрытыми глазами сдавал экзамены на сто баллов.

Особенно в девятом классе она каждый раз теряла баллы. Здесь немного, там немного.

Обычно она ошибалась в мелких расчетах.

Поэтому она чаще занимала второе место в классе, а Вэньжэнь Цин обычно была первой, выделяясь среди всех.

Увидев, как Вэньжэнь Цин обводит ошибки в задаче, Цзи Сюнь не расстроилась, а медленно подошла.

— Цинцин, когда мы перейдем в старшую школу и разделимся на классы, давай снова будем сидеть за одной партой?

Она тихо сказала:

— В общем, если ты выберешь гуманитарный, я тоже пойду на гуманитарный. Если ты выберешь естественные науки, я тоже выберу их.

После этого она серьезно кивнула.

У нее не было предпочтений, оценки были примерно одинаковые. Поэтому выбор гуманитарного или естественного направления не имел большого значения.

Главное — защищать Цинцин.

Цзи Сюнь сейчас сама не знала, как вернуть сюжет к оригинальному развитию. Она даже почти забыла, о чем была книга.

Эти годы спокойствия и тепла были как горсть конфет, которые она с наслаждением жевала и ела, привыкнув к этой сладости. Где уж тут думать о том, чтобы с главным героем пройти через боль и любовь.

Даже если это было бы притворством, ради возвращения домой, сама мысль об этом вызывала сопротивление.

Не то чтобы она не хотела домой, но сердце — это плоть. Чем дольше она оставалась в этом мире, тем сложнее становились ее чувства.

По крайней мере, она думала, что сначала нужно вырасти вместе с Цинцин.

— Цинцин, что ты выберешь?

Вэньжэнь Цин на мгновение замерла, опустив глаза, затем ответила:

— Не решила.

Она вела себя так спокойно, не показав ни капли того волнения, что возникло у нее в душе.

Иногда солнечный свет преследует человека, и тогда тот, кто должен был гнаться, не знает, остановиться или продолжать.

Потому что в каждом направлении, куда бы ты ни пошел, есть свет.

— Хорошо. Тогда скажи мне, когда решишь, — Цзи Сюнь была очень терпелива.

Сегодня Доудоу вдруг сказала ей, что в Пространстве Главного Бога не все спокойно.

Этот сюжетный мир в последнее время привлекает внимание многих высших сил, и ей нужно больше времени проводить с Цинцин.

Как бы то ни было, Цинцин — важный персонаж в книге. Когда они вместе, внешние силы отступают.

Цзи Сюнь, услышав это от Доудоу, была настолько удивлена, что не знала, что сказать.

Она думала, что в этом мире ей нужно только выполнять задачи по сюжету, но оказывается, за всем этим скрывается столько опасностей.

Она спросила Доудоу:

— Если ты мне это расскажешь, с тобой ничего не случится?

Потому что она почувствовала тревогу и страх в голосе Доудоу.

Но Доудоу гордо ответила:

— Что может случиться? Мы, системы, не чувствуем боли! — Максимум, что может случиться — это обнуление данных и пересоздание.

Однако эти слова Доудоу не произнесла.

Время меняет не только сердца людей, но и сердца систем.

Наверное, у них тоже есть сердца.

Наверное, все дело в том, что она слишком мало видела, попав в этот сюжетный мир и связавшись с хозяином на семь лет, ее чистое сердце системы растрогало.

Уууу, теперь она даже не на стороне Пространства Главного Бога, предала свое родное гнездо.

Доудоу чувствовала себя виноватой и несчастной, неся глубокое чувство вины.

Она боялась смотреть на лицо хозяина, боясь, что с каждым взглядом ее предательские мысли будут усиливаться. Это действительно плохо, разве это не делает ее шпионкой?

В последнее время Доудоу почти не подталкивала Цзи Сюнь к выполнению сюжетных задач, но та сама собрала информацию о некоторых предпринимателях по фамилии Ся.

Например, в соседнем городе живет Ся Цзиндун, вернувшийся из-за границы китаец, который основал компанию под названием «Чжэнся Текнолоджи».

У него есть сын, Ся Юйлинь, который когда-то перевелся в Тяньхун на некоторое время.

Цзи Сюнь, когда нашла это, на мгновение застыла.

Ся Юйлинь...

Она вдруг связала его с Цзяо Дачжуан.

В восьмом классе они подрались, а потом оба перевелись в другую школу.

<http://bllate.org/book/16860/1553031>